

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК 347.787

DOI 10.17223/22220836/19/3

А.Н. Багашев, Р.Ю. Федоров, А.Н. Фишер

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН¹

Статья посвящена исследованиям функциональных значений народной архитектуры в контексте традиционной культуры восточных славян. Народная архитектура рассматривается авторами в качестве феномена синкретической полифункциональности, обладающего утилитарными, культурными и сакральными значениями. Предпринята попытка обозначить основные направления комплексных исследований народной архитектуры, опираясь на собственные экспедиционные материалы и обобщение ранее полученных этнографических сведений.

Ключевые слова: народная архитектура, функциональные значения, крестьянская усадьба, восточные славяне.

В традиционной культуре восточных славян народная архитектура (жилые дома, хозяйственные строения и усадьбы) представляет собой уникальный феномен синкретической полифункциональности. Одновременно она может выполнять широкий спектр утилитарных, культурных и сакральных функций, которые являются жизненно важными для воспроизводства семьи, рода, ведения хозяйственной деятельности, адаптации к специфическим природно-климатическим условиям и т.д. К сожалению, в большинстве современных научных исследований эти компоненты чаще всего подвергаются обособленному друг от друга изучению. К примеру, эстетические или семантические аспекты отдельных элементов народной архитектуры нередко рассматриваются в отрыве от их хозяйственного значения. В то же время адекватное понимание природы и смысла многих явлений духовной культуры (праздников и обрядов, фольклора, духовно-нравственных норм поведения) невозможно без их рассмотрения в системной связи с закономерностями организации жизненного пространства человека. В традиционной культуре русских, украинцев и белорусов можно проследить как свои системообразующие инварианты, так и самобытные локальные вариации функциональных значений народной архитектуры, сложившиеся под влиянием специфических этнокультурных и этноэкологических факторов.

В большинстве научных публикаций, посвященных народной архитектуре, объектом исследования, как правило, являются отдельные строения, обладающие незаурядным эстетическим, культовым или историко-культурным

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-21-01002.

значением. Об этом можно судить хотя бы по содержанию ряда ставших широко известными учебных пособий по истории отечественной архитектуры [1, 2] и др. Однако на этом фоне очень часто за пределами исследовательских интересов остается ординарная архитектурная среда, к которой можно отнести традиционную крестьянскую усадьбу, а также деревянную жилую застройку, сохранившуюся в современных городах. Исключением из этой тенденции являются отдельные классические и современные этнографические исследования, посвященные обычаям и суевериям, связанным с жилищем [3, 4]. Мы глубоко убеждены, что комплексные исследования народной архитектуры имеют ключевое значение для понимания многих смыслообразующих аспектов традиционной культуры восточных славян в целом ввиду того, что в пространстве традиционного жилища, как правило, происходили наиболее значимые моменты жизни человека (рождение, инкультурация, проведение календарных и семейных обрядов, создание новой семьи, передача практического и культурного опыта между поколениями, уход из жизни и т.д.). Одной из серьезных методологических проблем подобных исследований является изначальная широта функциональных значений народной архитектуры, которую можно рассматривать в качестве своеобразной актуализации синкретического характера традиционной культуры в целом. Можно вспомнить немало случаев, когда один и тот же элемент народной архитектуры одновременно обладает важными утилитарными, эстетическими и сакральными значениями. Приведем лишь один известный пример, хорошо иллюстрирующий данную ситуацию. Устройство низких входных дверей во многих крестьянских избах вплоть до начала XX в. объяснялось как стремлением сохранить в доме тепло, так и необходимостью совершить поклон при входе в дом.

Очевидно, что рассмотрение функциональных значений определенных элементов народной архитектуры с какой-либо одной «узкой» позиции, нередко приводит к неадекватности понимания общего контекста традиционной культуры изучаемого локального сообщества. Поэтому задачей настоящего исследования, поддержанного совместным грантом Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ), является разработка комплексного методологического подхода, который позволил бы рассмотреть взаимообусловленность утилитарных, культурных, сакральных и этноэкологических аспектов различных феноменов народной архитектуры. Интегрирующую роль в нем играет концепция культурного ландшафта, направленная на изучение не только самих объектов материальной культуры, но и пространства ценностей и смыслов, которыми их наделяет человек.

Попробуем рассмотреть основные перспективы реализации разрабатываемого исследовательского подхода на некоторых конкретных примерах, с которым нам приходилось сталкиваться в ходе экспедиционных исследований либо в процессе обобщения ранее полученных этнографических сведений. Во многих архаических культурах жилище человека наделялось атрибутами своеобразной модели мироздания (Вселенной). В них можно выделить ряд системообразующих, инвариантных элементов, таких как очаг, порог и дверь, трапезный стол, мужские и женские части жилища, сакральное или жертвенное место и т.д., каждый из которых имел не только практическое, но

и важное символическое значение. В процессе генезиса традиционной культуры восточных славян эти архетипы нередко наделялись новыми значениями, сохраняя при этом стойкость бытования. К примеру, многие архаические элементы языческих трапез были адаптированы в трансформированном виде в народных православных традициях.

В разных исследованиях можно встретить разнящиеся оценки временных рубежей, к которым относят формирование дошедших до нас базовых принципов планировки народного жилища восточных славян, их названий и функциональных значений. Наиболее часто к ним относят временные рамки с XIII [5] до XVI–XVII столетий [6]. Следует отметить, что ввиду недолговечности дерева как строительного материала наиболее древними образцами ординарной народной архитектуры, исследованными нашими современниками, в большинстве случаев являются строения, возведенные не ранее XVIII столетия [1. С. 15]. В большинстве же случаев наиболее старым пластом деревянной застройки, сохранившей свою функциональность, являются строения второй половины XIX – начала XX в. О более древних образцах жилых и хозяйственных построек мы можем судить лишь по материалам археологических исследований [7, 8] и др. Однако будучи информативными с точки зрения реконструкции внешнего облика древнего жилища, археологические исследования часто дают возможность лишь строить предположения о функциональных значениях его отдельных элементов. Совсем по-иному выглядит методология исследования тех строений, которые продолжают эксплуатироваться человеком и сохраняют свою «функциональную жизнь». В этом случае большое значение приобретает изучение не только самих объектов материальной культуры, но и субъективных характеристик, которыми их наделяют проживающие в них люди. Здесь важно учесть как семантическую, так и прагматическую составляющую этих оценок. К примеру, одно и то же строение в жизни отдельного человека, семьи или локального сообщества может обладать различной утилитарной и символической ценностью. Поэтому при разработке методологии исследования и составлении этнографических опросников очень важно учесть обе эти стороны трактовки народного жилища и его отдельных элементов.

К числу неразрывно связанных друг с другом аспектов функциональных значений народного жилища восточных славян можно отнести их инвариантность и вариативность. К примеру, в пространстве народного жилища можно выделить его неизменное символическое районирование, важными частями которого являются красный угол, печь, бабий кут, сени, горница и т.д. Несмотря на наличие определенных системообразующих принципов подобного районирования, можно встретить множество их локальных вариаций, когда определенный архитектурный элемент жилища приобретал специфическое функциональное значение. Не менее разнообразны вариации эстетических аспектов народного жилища, которые, как правило, носили выраженные региональные различия и во многих случаях лишь эпизодически попадали в поле зрения профессиональных исследователей. К примеру, в 1960–1970-х гг. В.А. Барадულიным был фактически открыт и досконально исследован крупный центр малярного отхожего промысла, сложившегося в конце XIX в. на территории Зауралья. Его представители, известные как «тюменские» или

«кармацкие» маляры, являлись узнаваемыми авторами домовых росписей на территории целого ряда районов Западной Сибири и Алтая [9]. В этот период на территории России существовало множество подобных локальных центров народных ремесел, каждый из которых обладал своими индивидуальными эстетическими особенностями, однако большинство из них сегодня оказались забытыми ввиду отсутствия их систематического изучения и недолговечности домовых росписей, которые почти не сохранились в наши дни.

Несмотря на кажущееся непосвященному человеку внешнее сходство традиционного жилища в разных русских деревнях, можно проследить сложные системы ареалов распространения его определенных архитектурно-планировочных и декоративно-прикладных особенностей. Если на территории Европейской России возможно выделение ряда региональных ареалов, репродуцирующих самобытные вариации народной архитектуры, то аграрную среду Сибири и Дальнего Востока можно сравнить с лоскутным одеялом, на котором часто соседствуют поселения с принципиально разными строительными традициями. На данную особенность большое влияние оказали разные волны крестьянских переселений, различные этнокультурные и региональные группы представителей которых приносили на новое место свои оригинальные принципы строительства. Однако проследить и реконструировать подобную географию распространения архитектурных традиций во многих случаях оказывается чрезвычайно сложно. Это связано с довольно быстрой динамикой трансформаций и заимствований принципов строительства, связанных с процессами адаптации переселенцев к новым природно-климатическим условиям и этнокультурному окружению. Данную ситуацию характеризует типичный пример из краеведческого текста, посвященного истории деревни Иннокентьевка, расположенной в Лесозаводском городском округе Приморского края: *Переселенцы в основном были с Украины, и многие ставили сначала хаты-мазанки. Однако вскоре стало ясно, что легкие украинские мазанки, которые так живописно выглядели на родине, малоприспособлены для суровых условий Дальнего Востока. Переселенцы отказались от глиняных мазанок и стали строить срубные избы* [10].

Воспоминания старожилов также хорошо раскрывают механизмы адаптации строительной культуры их предков к новым условиям проживания. Приведем лишь несколько фрагментов рассказов, собранных нами в 2014 г. в ходе этнографической экспедиции на территории муниципального района им. Лазо Хабаровского края у потомков столыпинских переселенцев. Софья Моисеевна Иванова (Самусева), 1934 г.р., проживающая в селе Полетное, так охарактеризовала различия традиционного жилища переселенцев и их предков: *Мать рассказывала, что на родине (в Могилевской губернии – прим. авторов) все жили очень бедно. В домах были земляные полы. Потом стали делать полы деревянные. На праздники их отдирали и несли мыть на речку. Белить не умели. Стены мыли, известки не было. Белить научились уже здесь. Наша мама еще белить не умела. Александр Титович Потюпин, 1928 г.р., из деревни Петровичи, чьи предки были выходцами из этих же мест, вспоминает: Отец воевал на фронте и во время войны случайно попал в деревню, откуда переехали наши предки. Дома он рассказывал, что как там раньше жили, так и продолжают жить. У них бани нету, туалета нету.*

Русскую печь топят, настилают соломы туда, и чтобы распариться, он залазит туда, а вода отдельно – корыто с липы выдолбленное. С печи вылазят, и в это корыто. Полы земляные у них были еще во время войны.

Приведенные выше рассказы наглядно иллюстрируют эволюционный принцип развития народной строительной культуры. Его важной отличительной чертой является постепенное «отмирание» утративших свое практическое значение элементов и замена их на новые в случае серьезных изменений внешних условий существования локального сообщества (в первую очередь – экологических и социально-экономических).

Стилистические и конструктивные особенности рядовой деревянной застройки российских городов также имеют ярко выраженную локальную вариативность. Уровень ее исследованности в разных регионах весьма неравнозначен. К примеру, благодаря фундаментальным работам нескольких поколений исследователей стало широко известным архитектурное наследие деревянного Архангельска [11, 12], тогда как самобытное деревянное зодчество старейших городов Сибири изучено достаточно фрагментарно [13, 14]. Вопрос о правомерности отнесения городской деревянной застройки к образцам народной архитектуры наравне с ее деревенскими прототипами во многом остается полемичным. Веским аргументом в пользу ее народности являются следующие строки из книги Н.Х. Шайхтдиновой «Деревянная резьба Тюмени»: *Деревянная архитектура провинциального города с образной ее стороны – декором – была, по сути дела, народной и развивалась самостоятельно, вне строгой зависимости от каких бы то ни было регламентов* [14. С. 18]. Изучение функциональных значений деревянной городской застройки имеет ряд специфических особенностей ввиду того, что она в большинстве случаев сочетает в себе как урбанистические, так и сельские элементы, соотношения между которыми могут сильно варьировать в зависимости от конкретных ситуаций. К примеру, в одних случаях в городском «частном секторе» можно проследить преобладание элементов аграрной среды, выраженное в обилии приусадебных участков, содержании домашнего скота. В других случаях можно наблюдать яркие примеры адаптации внешних конструктивных форм деревенской архитектуры к сугубо городским утилитарным и социокультурным задачам. Примером этого могут служить деревянные купеческие особняки, построенные во второй половине XIX – начале XX в. во многих городах Сибири. Для сибирского купечества, верного архаическим традициям, дерево нередко оставалось наиболее привычным строительным материалом. Однако функциональные и декоративные особенности подобных усадеб разительно отличались от сельских жилищ. Их интерьеры нередко копировали внешний облик каменных особняков, а в декоре таких домов можно было встретить примеры причудливого сочетания барокко и классицизма с самобытными народными мотивами [14].

Важными функциональными составляющими народного жилища являлись его сакральные аспекты, берущие свое начало в недрах архаической культуры. В пространстве крестьянской усадьбы могли сосуществовать как темные, так и светлые сверхъестественные силы. К примеру, в рассказах информаторов из разных районов России, Украины и Беларуси удивительной стойкостью обладают сюжеты о домовых. В традиционной культуре восточ-

ных славян печь, помимо своих утилитарных функций, обладает чрезвычайно широким полем символических значений, одновременно выступая в качестве продолжения древнего культа очага, своеобразного «проводника» для нечистой силы, дороги в загробный мир, организующего объекта при проведении заговоров и магических обрядов и т.д. Не менее богатым «магическим слоем» значений обладает и русская баня. Так же как и в случае с печью, сакральные значения бани нередко уходят корнями в дохристианскую эпоху традиционной культуры восточных славян. Однако в народных православных традициях пространство жилого дома нередко соотносилось с сакральными функциями храма. Во многих отдаленных районах Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока, находясь вдали от канонических сакральных центров (церквей и монастырей), крестьянские общины создавали своеобразные мобильные сакральные топосы, выступавшие в качестве важных коммуникативных начал, обеспечивавших их соборность. К числу ярких примеров, зафиксированных в ходе наших этнографических экспедиций, можно отнести почитание и обряд переноса иконы «Свеча» у потомков переселенцев из Могилевской губернии в деревне Осиновка Викуловского района Тюменской области. Почитаемая в Осиновке икона «Воскресение Христово», называемая местными жителями «Свечой», принадлежит всей деревенской общине. На протяжении года она хранится в одной семье, после чего на Рождество состоится перенос иконы в другой дом [15]. Примечательно, что в данном случае ввиду отсутствия в деревне церкви дом, в котором хранится икона, превращается в своеобразный временный сакральный центр поселения. По определению белорусской исследовательницы Л. Романовой *такой дом становится своеобразной церковью* [16. С. 104]. Его двери всегда открыты для желающих помолиться и поклониться иконе.

Современные урбанизационные процессы приводят к разрушению традиционного жизненного уклада на территории большинства аграрных районов России и сопредельных государств, в которых проживают представители восточнославянских народов. На этом фоне стремительно исчезают многие феномены народной деревянной архитектуры, которые до сих пор остаются не изученными до конца. При этом разрушаются не только сами строения, но и уходят из жизни последние поколения носителей народных традиций, способных репродуцировать в аутентичном виде их утилитарные, культурные и сакральные значения. Однако сегодня становится все более очевидным, что системное изучение функциональных значений народной архитектуры имеет более широкое значение, чем просто сохранение памяти о национальном культурном наследии. Во многих случаях практический и культурный опыт предков может представлять интерес в плане адаптации его элементов к решению ряда современных социально-экономических проблем, связанных с возрождением российской деревни.

Литература

1. *Пилявский В.И.* История русской архитектуры / В.И. Пилявский, А.А. Тиц, Ю.С. Ушаков. Л. : Стройиздат, 1984. 512 с.
2. *Лазарев А.Г.* История архитектуры и градостроительства России, Украины и Белоруссии VI–XX вв. / А.Г. Лазарев, А.А. Лазарев. Ростов н/Д : Феникс, 2003. 512 с.
3. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М. : Наука, 1991. 511 с.

4. Белов В.И. Лад. Очерки о народной эстетике. М. : Молодая гвардия, 1982. 293 с.
5. Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII–XIV вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 156–244.
6. Габе Р.М. Интерьер крестьянского жилища // Архитектурное наследство. М., 1955, Вып. 5. С. 81–106.
7. *Археологические* микрорайоны Западной Сибири : Теория и практика исследований. Омск : Наука, 2011. 196 с.
8. *Культура русских* в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск : Ом. ин-т (филиал) РГТЭУ, 2011. 430 с.
9. Барадулин В.А. Народные росписи Урала и Приуралья. Л. : Художник РСФСР, 1987. 200 с.
10. *История* села Иннокентьевки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bankgorodov.ru/place/inform.php?id=24667> (дата обращения: 22.04.2015).
11. Давыдов А.Н. Деревянное зодчество Архангельска во второй половине XIX – начале XX вв. / А.Н. Давыдов, В.М. Лопатко, А.А. Шалькевич // Культура Русского Севера. М. : Наука, 1988. С. 188–216.
12. Барашков Ю.А. Ностальгия по деревянному городу. М. : Крипто-Логос, 1992. 208 с.
13. *Деревянная архитектура* Томска. М. : Сов. художник, 1985. 181 с.
14. Шайхтдинова Н.Х. Деревянная резьба Тюмени. Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1984. 160 с.
15. Лобачевская О.А. «Свеча» в Сибири : этнографический и культурно-антропологический аспекты бытования обряда у белорусских переселенцев / О.А. Лобачевская, Р.Ю. Федоров // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 72–82.
16. Романова Л. «Свяча ці народам, ці богом суждана». Абрад «Свяча» // Роднае слова. 2004. № 3. С. 104.

Bagashev Anatolyi N., Fedorov Roman Yu., Fisher Anjelika N. (Tyumen, Russian Federation).

E-mail: bagashev@mail.ru, r_fedorov@mail.ru, angela_fisher@mail.ru. DOI 10.17223/22220836/19/3

FUNCTIONAL VALUES OF NATIONAL ARCHITECTURE IN THE CONTEXT OF TRADITIONAL CULTURE OF EAST SLAVS

Key words: national architecture, functional values, country estate, East Slavs.

In traditional culture of East Slavs, the national architecture represents a unique phenomenon of syncretic polyfunctionality. At the same time it can carry out a wide range of utilitarian, cultural and sacral functions which are vital for reproduction of a family, sorts, conducting economic activity, adaptation to specific climatic conditions, etc. Unfortunately, in the majority of modern scientific researches these components most often are exposed to separate studying. It is obvious that consideration of functional values of certain elements of national architecture, from any one "narrow" position, quite often results in inadequacy of understanding of the general context of traditional culture of the studied local community. Therefore a problem of the real research was development of integrated methodological approach which would allow to consider interconditionality of utilitarian, cultural, sacral and ethnoecological aspects of various phenomena of national architecture. The integrating role in it is played by the concept of a cultural landscape directed on studying not only objects of material culture, but also space of values and meanings with which they are allocated by the person.

It is possible to refer their invariancy and variability to number of aspects of functional values of the national dwelling of east Slavs inseparably linked with each other. For example, in space of the national dwelling it is possible to allocate its invariable symbolical division into districts which important parts are the Krasnyj ugol, fireplace, Babij kut, Seni, Gornitsa, etc. Despite existence of certain backbone principles of similar division into districts, it is possible to meet a set of their local variations when a certain architectural element of the dwelling gained specific functional value. On the basis of materials of own expeditions, and also generalizations of domestic ethnographic heritage, in article are reviewed examples of esthetic, sacral, utilitarian and ethnoecological functional values of national architecture of East Slavs.

Results of research testify that system studying of functional values of national architecture has wider value, than preservation of memory of national cultural heritage is simple. In many cases, practical and cultural experience of ancestors can be of interest in respect of adaptation of its elements to the solution of a number of the modern social and economic problems related to revival of the Russian village.

References

1. Pilyavskiy, V.I., Tits, A.A. & Ushakov, Yu.S. (1984) *Istoriya russkoy arkhitektury* [The history of Russian architecture]. Leningrad: Stroyizdat.
2. Lazarev, A.G. & Lazarev, A.A. (2003) *Istoriya arkhitektury i gradostroitel'stva Rossii, Ukrainy i Belorussii VI–XX vv.* [The history of architecture and urban planning in Russia, Ukraine and Belarus in the 6th–20th centuries]. Rostov on Don: Feniks.
3. Zelenin, D.K. (1991) *Vostochnoslavlyanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography]. Moscow: Nauka.
4. Belov, V.I. (1982) *Lad. Ocherki o narodnoy estetike* [Lad. Essays about people's aesthetics]. Moscow: Molodaya gvardiya.
5. Rabinovich, M.G. (1975) Russkoe zhilishche v XIII–XIV vv. [The Russian home in the 13th–14th centuries]. In: Rabinovich, M.G. (ed.) *Drevnee zhilishche narodov Vostochnoy Evropy* [Ancient dwellings of the peoples of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. pp. 156–244.
6. Gabe, R.M. (1955) Inter'er krest'yanskogo zhilishcha [The interior of peasant houses]. *Arkhiturnoe nasledstvo*. 5. pp. 81–106.
7. Tataurov, S.F., Tataurova, L.V. & Tikhonov, S.S. (2011) *Arkheologicheskie mikrorayony Zapadnoy Sibiri: Teoriya i praktika issledovaniy* [Archaeological districts of Western Siberia: the theory and practice of research]. Omsk: Nauka.
8. Tataurova, L.V. (ed.) (2011) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii* [The Russian culture in archaeological research: interdisciplinary methods and technologies]. Omsk: RGTEU.
9. Baradulin, V.A. (1987) *Narodnye rospisi Urala i Priural'ya* [Folk painting of the Urals]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR.
10. Bankgorofov.ru. (n.d.) *Istoriya sela Innokent'evki* [The history of the village Innokentevka]. [Online] Available from: <http://www.bankgorodov.ru/place/inforMoscowphp?id=24667>. (Accessed: 22nd April 2015).
11. Davydov, A.N. (1988) Derevyannoe zochestvo Arkhangel'ska vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Arkhangelsk wooden architecture in the late 19th – early 20th centuries]. In: Davydov, A.N., Lopat'ko, V.M. & Shal'kevich, A.A. *Kul'tura Russkogo Severa* [The culture of the Russian North]. Moscow: Nauka. pp. 188–216.
12. Barashkov, Yu.A. (1992) *Nostal'giya po derevyannomu gorodu* [Nostalgia for the wooden town]. Moscow: Kripto-Logos.
13. Shepelev, Yu.I., Zaytseva, Z.A. & Kirichenko, Ye.I. (1985) *Derevyannaya arkhitektura Tom'ska* [Wooden architecture of Tomsk]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.
14. Shaykhtdinova, N.Kh. (1984) *Derevyannaya rez'ba Tyumeni* [Wood carving of Tyumen]. Sverdlovsk: Mid Urals Book Publishing.
15. Lobachevskaya, O.A. & Fyodorov, R.Yu. (2012) The “Candle” in Siberia: ethnographic and cultural-anthropological aspects of the existence of the rite with Byelorussian migrants. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archeology, Anthropolgy and Ethnography*. 1(16). pp. 72–82.
16. Romanova, L. (2004) “Svyacha tsi narodam, tsi bogom suzhdana”. Abrad “Svyacha” [The Candle is given either by people or by God. The Candle ritual]. *Rodnae slova*. 3. pp. 104.